

ИЗ НЕИЗДАННЫХ И НЕСОБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Публикация Р. Л. Щербакова

Предисловие Н. А. Трифонова

Брюсов принадлежит к писателям, которые руководились правилом, сформулированным еще в античные времена: «Ни одного дня без строчки». Это относилось прежде всего к строчкам стихотворным.

Как бы он ни был поглощен той или иной деятельностью, его всегда неодолимо влекло к себе поэтическое творчество. Так было с юных лет. Вот, например, запись в дневнике 16 февраля 1894 г.: «Я занят больше университетом. Старательно посещаю лекции, работаю, даже все литературные занятия кинул, кроме лирики: расстаться с ней уже выше моих сил» (*Дневники*, стр. 15).

Неудивительно, что Брюсовым было написано огромное количество стихов. Из них далеко не все вошли в его многочисленные сборники или появились на страницах газет, журналов и альманахов. Требовательный к себе и к другим, Брюсов многое не печатал, отбрасывал, оставлял в рукописи.

После смерти поэта вышли два сборника его неизданных стихотворений — в 1928 и 1935 гг. Ряд таких стихотворных произведений был опубликован в томе 27-28 «Литературного наследства» и в периодической печати. Наконец, более 70 стихотворений впервые увидело свет в III томе последнего собрания сочинений Брюсова.

Однако в брюсовском архиве еще остаются ненапечатанные стихотворные тексты, законченные и незаконченные. Для настоящего тома из них отобрано несколько десятков — тех, которые представляют более значительный интерес в художественном или историко-литературном отношении. Написанные на протяжении тридцати лет (1893—1924), они расположены в хронологическом порядке. Не включаются в настоящую подборку образцы раннего, юношеского творчества (до 1893 г.), которое характеризовалось и примеры которого приводились в статье Н. К. Гудзия (*ЛН*, т. 27-28).

В начале подборки преобладают страницы лирического дневника, поэтические размышления и признания, раскрывающие противоречивые настроения и устремления поэта, который чувствует себя запутавшимся, растерявшимся «в этом хаосе событий, в этой смене впечатлений». Его душа и «томится в неволе и любит звучные цепи». Пытаясь умчаться в «лучшие сферы», он на самом деле оказывается пресмыкающимся «в земной пыли».

Мы находим здесь и очень характерный для Брюсова мотив поисков дороги, образ трудного пути, неустанного движения вперед. «С каждым шагом все суровой камни яростных дорог», — провозглашает поэт. И этот путь приводит его к преодолению эгоцентрической замкнутости и декадентских изломов.

Если молодой Брюсов, например, о реальной, живой природе отзывался с пренебрежением, противопоставляя ей какой-то идеальный мир, то постепенно в нем побеждает тяга к общению с природой. Она становится для него родной, вселяющей в душу спокойствие. Поэт — или его лирический герой — любит траву, сверкающую при лучах восхода, слушает щебет птиц, поэтизирует и осенний лес, дрожащий в немой пещали, и «зелень свежую весны».

О том, какое начало побеждает в творчестве Брюсова, свидетельствует и его стихотворное обращение к разуму, подчиняющему своим строгим законам «безумные видения» поэта.

Широко известно тяготение Брюсова к лиро-эпическому жанру. Список многочисленных брюсовских произведений этого рода пополняется здесь такими стихотворениями, как, например, «Колумб» или «Он шел в полях...».

Образы мореплавателя, вдохновенно ведущего свой корабль «в безбрежном океане еще неведомым путем», не взирая на проклятия и злобную брань толпы, или пророка, неустанно обличающего своих современников и проповедующего им, — близки по своим душевным качествам и устремлениям автору. Они заставляют вспомнить слова поэта о всегда привлекавших его внимание «властительных тенях»: «У меня везде — и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте — везде мое «я» (из письма к Горькому 1900 г. — *ЛН*, т. 27-28, стр. 640).

Еще обнаженнее эта субъективность в стихотворениях «от первого лица», хотя и здесь лирический герой принимает облик то восточного мага, отказавшегося от соблазнов дворцовой жизни и пошедшего за звездой, то инока, несущего вслед за волхвами в Вифлеем свой дар — песнопение, или уподобляется апостолу, отрешившемуся от своего учителя во дворе первосвященника.

Ряд стихотворений, являющихся прямым откликом на большие общественно-политические события, помогает уточнить наше представление о социальных позициях, симпатиях и антипатиях поэта.

Одно из них, написанное в 1903 г. и получившее в рукописи позднейшее заглавие «Перед японской войной», может быть названо инвективой по адресу современного Брюсову царского правительства и вызывает в памяти известное стихотворение «Цепи». Поэт в это время готов еще поэтизировать былую мощь императорской России, вспоминая «дни Екатерины, громом потрясавшие золотой Царьград», но современное самодержавие, не способное защитить интересы государства, он клеймит позором.

Хотя поэт здесь еще далек от всякой революционности, он проникательно и с большой силой утверждает:

Чаша переполнена, будет капли малой,
Чтобы, встав, потребовал их на суд народ!

Новый этап в становлении общественного сознания Брюсова отражают стихи 1917 г. на тему «Революция». Интересно сопоставить два стихотворения с этим заглавием. Первое написано сразу после февральского переворота и несет на себе груз тогдашних розовых иллюзий и заблуждений поэта. Здесь поэт славит освобождение, достигнутое, как будто, без большой борьбы. Впадая в идиллический тон, он готов верить, что уже в тот момент все в России могут слиться «в один порыв», «забыв о прошлом, о вражде и мести». Этому мирному освобождению он противопоставляет другую, пугающую его революцию, беспощадную, «с бичом свистящим», устремленную только к грядущему, не взирая на кровь, на бесчисленные жертвы сегодня.

Не приходится особенно удивляться, что это стихотворение Брюсов не напечатал: автор, вероятно, не был уверен в том, что он нашел верные слова и краски как в первой, так и во второй части.

Вскоре под впечатлением Октябрьских событий он находит для революции другой, более удачный образ — не Черного Всадника, а бури, урагана, «оживляющего все», «освежающего недра воздухом горним». К сожалению, это стихотворение, переключаясь по своему тону с поэмами Верхарна, осталось незаконченным. А через некоторое время в лучшем послеоктябрьском сборнике Брюсова «В такие дни» русская революция воплотилась в огненном скаке Алого (а не Черного) всадника, ломающего кольцо блокады.

Возвращаясь к первому стихотворению «Революция», датированному 24 марта 1917 г., следует указать, что недавно в журнале «Енисей» (1973, № 4) была опубликована Н. Гороховым только вторая половина этого стихотворения, начиная с 17-го стиха — «К нам не таким пришло освобождение...» Не говоря уж о том, что читателю остается неясным, что в данном случае значит «не таким», при подобном способе публикации искажается весь смысл, весь замысел поэта (пусть даже ложный сам по себе) — противопоставление двух путей освобождения. Публикация превращается в фальсификацию.

Печатаемая группа стихотворений не лишена интереса и в формально-художественном плане. В ней, как солнце в малой капле вод, отражается эволюция стиля Брюсова от импрессионистской неопределенности и расплывчатости, присущей стихам середины 1890-х годов, к классической четкости образов, к чеканному, мужественному стиху периода творческого расцвета, а затем к тематической и образной усложненности и лексико-синтаксической утрудненности стихов последних лет, перегруженных научными терминами, историческими именами и географическими названиями.

Встречаемся мы с Брюсовым и как с искусным стилизатором (см., например, «Посвящение» из «Поклонения волхвов», выдержанное в возвышенно-архаическом стиле).

Ряд стихотворений носит подчеркнуто экспериментальный характер; они, несомненно, предназначались для сборника «Опыты». В «Наступлении грозы» с большой виртуозностью демонстрируются разноударные внутренние рифмы:

Силы бесьи по поднёбесью
Мечут стрелы, множат выстрелы...

В стихотворении «Над призраками и действительностью...» — рифмы, уменьшающиеся от гипердактилической до мужской (от четырех слогов до одного).

В отдельных стихотворениях отчетливо бросается в глаза, что Брюсов предвосхищает те или иные особенности стиля позднейших поэтов. Так, например, строка «Железная труба раскрыла челюсть» (из стихотворения «Отчетливо по крыше дребезжа...») предвещает позднейшую имажинистскую образность (вспомним хотя бы есенинскую «избу-старуху» с «челюстью порога»).

С другой стороны, мы видим, как поздний Брюсов хочет учиться у своих молодых современников. В этом отношении очень любопытно стихотворение «Взводень звонов», посвященное памяти Велимира Хлебникова. Подобно хлебниковскому «Заклятию смехом», состоящему из слов, образованных от корня «смех», Брюсов строит все это довольно длинное стихотворение на обыгрывании, главным образом, двух корней «звон» и «звук». Когда-то молодой Брюсов написал стихотворение, назвав его «Перепевы Бальмонта». Через четверть века стареющий Брюсов создал «перепевы Хлебникова». И эта смена образцов для поэтических упражнений чрезвычайно характерна.

Не все печатаемые здесь стихотворения равноценны. Но думается, что в своей совокупности они, не открывая каких-то принципиально новых граней в творчестве Брюсова, дают дополнительный материал для уяснения некоторых существенных сторон его поэтического облика.

Кроме текстов, печатаемых впервые, здесь помещены три малоизвестных опубликованных стихотворения из числа «несобранных», не входивших ни в одну из брюсовских книг («Колумб», «Мой разум! ты стенами строгими...» и «Отчетливо по крыше дребезжа...»).

В настоящем томе восстанавливается также подлинный текст нескольких стихотворений, опубликованных в прошлом неполно или неточно: «Революция» («Отчаяние, взнузданное злобой...»), «О, фетовский, душе знакомый стих...», «Когда тебе извне назначен...» и «Бесконечность».

Все тексты публикуются по автографам Брюсова, преимущественно черновым, которые порой представляют значительные трудности для прочтения. Автограф стихотворения «Отчетливо по крыше дребезжа...» не сохранился, и оно воспроизводится по копии, сделанной И. М. Брюсовой.

Стихотворения «Поклонение волхвов», «При лучах восхода...», «Молитва» и «Революция» («Что такое революция? — Буря...») подготовила к печати Т. Г. Динесман; «Он шел в полях...» — А. А. Козловский; «Наступление грозы» и «Революция» («Отчаяние, взнузданное злобой...») — О. А. Сайкин; остальные произведения публикуются Р. Л. Щербаковым.

1

В минуту сладкого свиданья
 Не дремлет мой упорный ум,
 Он раскрывает тайны дум,
 Он уличает ложь мечтанья.
 И вся полна стыдом сознания,
 Пред светом истины дрожа,
 В любовь не верует душа.

Но только встречу взор суровый,
 Ответ услышу ледяной,
 Как все опять полно тобой,
 На сердце вспыхнет <?> пламень новый,
 И, мысли сбросивши оковы,
 Не внемля голосу ума,
 Любовь решает все сама.

5 янв<аря 18>93 г.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.2, л. 78; на полях помета: «Н<елёне>».

Посвящено Елене Андреевне Красковой, первому серьезному увлечению поэта. История этой любви изложена в автобиографической повести «Моя юность», где Елена Краскова выведена под именем Нины Капиной (см.: *Из моей жизни*, стр. 82—85).

2

КОЛУМБ

Таков и ты, поэт!..

Идешь, куда тебя влекут
 Мечтанья тайные...

Пушкин

С могучей верою во взоре
 Он неподвижен у руля
 И правит в гибельном просторе
 Покорным ходом корабля.

Толпа — безумием объята —
 Воротит смелую ладью,
 С угрозой требует возврата
 И шлет проклятия вождю.

А он не слышит злобной брани
 И, вдохновением влеком,
 Плывет в безбрежном океане
 Еще неведомым путем.

<8 апреля 1894 г.>

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 48, л. 4. Опубликовано: «Новый мир», 1925, № 1.

Эпиграф — неточная цитата из поэмы Пушкина «Езерский».

8 апреля 1894 г. Брюсов отметил в дневнике: «Написал прекрасное стихотворение «Колумб» (ГБЛ, ф. 386.1.22, л. 38).

3

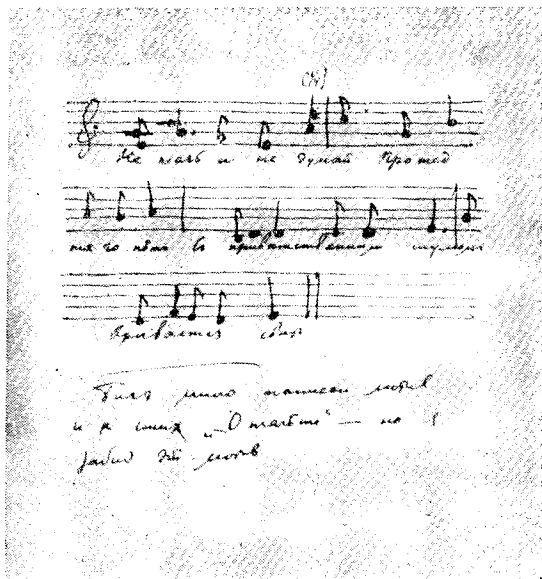
В круг философов я вчера завлечен был случайно,
 Слушал восторженный спор, спорил упорно и сам.
 Образы, рифмы — как фей хоровод — разлетелись пугливо,
 Истина, Благо и Мир встали в таинственной мгле.

МЕЛОДИЯ БРЮСОВА
К СТИХОТВОРЕНИЮ
«НЕ ПЛАЧЬ И НЕ ДУМАЙ...»

Черновой автограф
в записной тетради, 1897

Внизу помета:
«Был мною написан мотив
и к стихотворению «О плачьте» —
но я забыл этот мотив»

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

Сладко и больно пахнуло в душу забытым и близким,
С прежней любовницей так — встретишь, рыдаешь у ног.

28-го <сентября 1894 г.> <вечером> на этич<еском> семинарии у Грота.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.2.16 («Записная тетрадь», «1894, август — ноябрь»), л. 55.
28 сентября 1894 г. Брюсов записал в дневнике: «Вчера участвовал в семинарии Грота по психологии. Пахнуло на меня философией, старой, забытой мною философией» (ГБЛ, ф. 386.67.13, л. 7).

4

Давно ли в моем непокорном уме
Сияли, как светоч, победные мысли,
Но время настало, и тени повисли,
И бродит сознание во тьме.

При трепетных вспышках, в томительном блеске
На миг озаряется мир темноты,
Мелькают картины, фигуры, черты,
Погибших времен арабески...

Но долгод ли этот мерцающий свет?
Таинственных замыслов смутные знаки
С последним величием гаснут во мраке
И дня воскресенья — им нет.

30 июня <1895 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/3 («Мои стихи. Начато в апреле, кончено в июле 95 г.»), л. 40.

5

Если бы ты мне открылся, Христос,
Нынче бы шел я и счастлив и бос,
Только бы не был я громким пророком;
В сердце моем — уж давно одиноком —
Скрылась бы новая тайна моя,
И не сказал бы, что верую я.

<19—20 августа 1895 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/4 («Мои стихи. Начато 15 июля 95 г. <...> Кончено 8-го окт. 95 г.»), л. 21. Вверху помета: «Псв. Т. Мед»; означает, что стихотворение посвящено Тале — Н. А. Дарузес и предназначалось для раздела «Meditations» в сб. *ChdO*. Датируется по положению автографа между стихами, помеченными 19 и 20 августа.

20 августа, получив наकाуне от А. А. Курсинского книгу Л. Н. Толстого «В чем моя вера», Брюсов записал: «Читаю «Веру» и умиляюсь» (*Дневники*, стр. 22).

6

Мрачен путь и неподвижны тени,
Мрачен путь в предвечной бездне ада,
Вверх, во мрак, уходит стен громада,
Вниз, во мрак, спускаются ступени.

Кем я в этот страшный мир закинут?
Кто со мной блуждает в тьме могильной?
Что за люди там сидят бессильно?
Что за трупы здесь лежат и стынут?

Где дорога к небесам и свету?
Вниз иду ли, восхожу ль ко сводам?
Пламя ль вижу или день за входом?
Есть ответ... но верить ли ответу?

2-го сентября <18>95 г.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/4, л. 27.

7

Позвать ко мне на крестины
Забыли злобную фею, —
И вот, ее паутины
Распутать я не умею.

Скользя в свободной гондоле,
Себя я чувствую в склепе,
Душа томится по воле
И любит звучные цепи.

Провидя лучшие сферы,
Я к ним умчаться пытаюсь...
И что ж! — без крыльев и веры
В земной пыли пресмыкаюсь.

2-го сент<ября 1895 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/4 («Мои стихи. Начато 15 июля 95 г. <...> Кончено 8-го окт. 95 г.»), л. 27 об.

8

Охраните, защитите,
Силы неба, духи, тени,
В этом хаосе событий,
В этой смене впечатлений.

Точно — в вихре вьются флаги,
И во влаге под стенами
Отраженные зигзаги
Разбиваются волнами.

Хлещут флаги, блещут краски,
Точно в сказке, плещут воды,
И летят в безумной пляске
Злобных фурий хороводы.

В бездне ветра, в смутной буре
Дух низвергнут — рвется, бьется,
А над диким лёгом фурий
Колокольный звон несется.

12 ноября <1895 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/5 («Мои стихи. Начато 22-го октября 95 <...> Кончено 20 февраля 96»), л. 5 об.

9

Завет нарушен отречения,
И снова шумная толпа,
Самодовольна и тупа,
Блomidась в храм уединенья.

26-го янв<аря 1896 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/5 («Мои стихи. Начато 22-го октября 95 <...> Кончено 20 февраля 96»), л. 35.

10

Люблю в неясном сне
Последний стон звонка
И отклик в тишине
Далекого рожка.

Простонет яркий зов,
Разбудит мир ночной,
И снова царство снов
Сомкнется надо мной...

<Начало сентября 1896 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/6 («Мои стихи. Выборка из ненапечатанных стихов за 1894—95 г. и лето 1896»), л. 33 об.

Написано, по-видимому, по дороге из Кисловодска в Москву. Брюсов выехал с Кавказа 28 августа 1896 г., сделав по пути остановку в Армавире (см. наст. том, стр. 743). Таким образом, наиболее вероятная датировка — начало сентября.

11

И мне никогда не понять, почему
Люблю я так ночь и беззвездную тьму.
Мне мысль повторяет о радостях дня,
И мысль убеждает минутно меня,
Но сумрак наляжет, всемогуще-немой,
И снова я счастлив свободно тьмой,
И снова со звоном спадают с меня
Бессильные цепи ушедшего дня.

4-го ноября <1896 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14. 5/7 («Мои стихи. Начато 27 февр. 1896 г. Кончено в февр. 1897»), л. 26.

АТЛАНТИДА

Тебе, мой брат, далекий друг,— тебе
 Свои стихи несмело посвящаю.
 В былые дни как близки были мы!
 О долгие, пленительные ночи,
 Когда вдвоем по улицам, обнявшись,
 Бродили мы под светом фонарей
 Среди немых, недвижных, мертвых зданий!
 У нас двоих была одна душа,
 Дрожавшая таинственным восторгом;
 Наш разговор так полон был без слов,—
 И лишь стихи, заветные, святые,
 Молитвенно звучали иногда...
 Мой нежный брат, мой друг далекий,— ныне
 В стране чужой * среди знакомцев новых,
 Внимая мне, поймешь ли ты меня?

Забывшее и чуждое преданье
 В моих стихах я должен оживить.
 Оно не раз пленяло мысль поэтов,
 Его певцом был юноша-мудрец,
 Впоследствии мудрейший созерцатель
 Из всех людей...** И даже в наши дни,
 Воскресшее, оно пленяет думы,
 Зовет мечту, палит воображенье...***

И вот меня уже влечет оно
 В священный край, в античную Элладу,
 Где вечный блеск, где жизнь и красота.

Почти уж год, как мчится по Европе
 Ужасный слух: от Запада плывут
 Безвестные, ужасные пришельцы,
 Воители, всеисильные в бою.
 Уж покорен весь край близ Геркулесов,
 Уже сдалась теперь
 Гесперия гибнет,
 И к городам Сицилии все ближе
 Таинственный неумолимый враг.
 Откуда он? Кто эти люди?

24 июня <18>97

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 14.5/8, л. 20—20 об.

Четвертая редакция начала поэмы. Ей предшествуют (в той же записной тетради) девять черновых набросков и заметок, относящихся к этому неосуществленному замыслу Брюсова; часть из них опубликована (*Собр. соч.*, т. 3, стр. 247).

Публикуемый отрывок посвящен Бальмонту (см. план первой песни—там же, л. 17).

Забывшее и чуждое преданье ∞ *Его певцом был юноша-мудрец...* — Легенда об Атлантиде (огромный остров в Атлантическом океане, погруженный по воле Зевса

* Лицо, к которому обращается автор, находилось в то время в Англии (*примеч. Брюсова*).

** Платон (*примеч. Брюсова*).

*** В теософских журналах последнее время много говорят о Атлантиде (*примеч. Брюсова*).

в воды) и о могущественном народе, ее населявшем, известна в передаче Платона (диалоги «Тимей» и «Критий»). Согласно этой легенде атланты, в пору расцвета своего государства, вели завоевательные войны в Европе и Азии, но были остановлены афинами.

Геркулесы — Геркулесовы столбы (греческое название мысов Гибралтар и Цеута), считавшиеся пределом древнего мира.

Гесперия (Исперия) — греческое название Пиренейского полуострова.

13

И снова я в лесу родном!
Мой шаг спокоен и размерен,
И каждый облик мне знаком,
И в каждом звуке я уверен...

〈Июль 1899 г.〉

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/12 («Мои стихи. С января 1899»), л. 10 об. Перед стихотворением помета: «Отс<юда> Москва». Находится между стихами, помеченными 14 и 20 июля.

Это первое стихотворение, написанное Брюсовым после возвращения из Крыма.

14

ОТРЫВОК

Чувств ленивую остуду,
Этот в сердце павший снег
Я таить ревниво буду
Ото всех...

Чтобы в песне переливной
Раздавался до конца
Звон веселый и призывный
Бубенца.

Окт<ябрь 1>900

ГБЛ, ф. 386.14.5/14, л. 19.

15

Мой разум! ты стенами строгими
Мне все пределы заградил.
Напрасно разными дорогами
Стремлюсь я, до упадка сил.

Мои безумные видения
Законам подчиняешь ты,
И в темных безднах иступления
Проводишь прочные мосты.

〈1900〉

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10. 5, л. 8. Опубликовано с ошибками и с предположительной датой — «1906»: «Литературная газета», 1931, № 54, 7 октября. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

БРЮСОВ

Фотография, 1900-е годы

Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

16

Отчетливо по крыше дребезжа,
В листе производя шуршащий шелест,
Спадают нити долгого дождя;

Железная труба раскрыла челюсть,
И в кадку звучно прядает струя;
Есть в этом шуме медленная прелесть.

О тихий, долгий дождь, с тобой сроднился я.
Все осени в деревнях и в столице
Воссоздает глухая песнь твоя.

<22 июня 1901 г.>

Копия рукой И. М. Брюсовой. ГБЛ, ф. 386.10.6, л. 19 об.; пометы: «22 июня», «1901 г.», «Лето в Петровско-Разумовском». Опубликовано: А. Кузнецов. Литературное Петровско-Разумовское. М., 1963, стр. 59.

Летом 1901 г. Брюсов жил в деревне Выселки вблизи Петровско-Разумовского.

17

Моя душа — великая могила
Мелькнувших встреч, и клятв, и страстных слов.
И никому не знать всего, что было,
Всей дрожи мною прожитых часов.

И вы, со мной делившие страстью!
В обломках вам давалось то, что мне
Во всем объеме ужаса и счастья,
В многообразности и глубине.

1 авг<уста 1>901

Автограф. ГБЛ, ф. 386.14.5/15, л. 12.

18

С каждым шагом всё суровей
Камни яростных дорог.
Я иду по следу крови
Тех, кто раньше изнемог.

Воспаленный взор вперяя
В синеву далеких гор,
Вижу с края и до края
Те же камни и простор.

Где леса, где ветер свежий
На священной вышине?
Те же травы, дали те же
Наяву, как и во сне.

И, подобно многим смелым,
Не дойдя, я упаду.
Черный прах на камне белом
< >

Здравствуй, солнце, в час кончины,
Над извилами дорог!
Вы, небесные равнины!
Ты, открывшийся мне бог!

1902, июнь

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.7, л. 34. Помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Неоконченные стихи эпохи Urbi et Orbi». Последний стих четвертой строфы не написан.

19

ПЕРЕД ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ

Нет! Они не двинутся! каждый жест им страшен!
Только б не события, только б не борьба!
Вот кричат разведчики с озаренных башен,
Что кровавым заревом залита судьба!

Пусть другие, смелые, на пиру вселенной
Занимают первые, лучшие места!
Им бы только тешиться суетой мгновенной,
Во дворец покрепче бы запереть врата!

Полно! так ли мыслили в дни Екатерины,
Громом потрясавшие золотой Царьград?
Нивы Бородинские, Лейпцига равнины
Гулы смелых вызовов до сих пор хранят.

Разве Рим властительный с мощным Карфагеном
Колебался встретиться с грудью грудь, как враг?
Слава — лишь дерзающим, к вечным переменам
Вольно увлекающим неустанный стяг!

Иль они предчувствуют? иль им явно стало,
Что грозит крушением каждый шаг вперед?
Чаша переполнена, будет капли малой,
Чтобы, встав, потребовал их на суд народ!

Что ж! Тогда — тем более! Дерзко бросьте жребий:
Лавры и бессмертие, иль в борьбе конец!
Слышите разведчиков? Зарево на небе!
Может быть, в том пламени сходит к вам — венец!

1903

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.8, л. 14. Заглавие, по-видимому, дано позднее.

В стихотворении нашли отражение чувства Брюсова, о которых он писал Г. И. Чулкову 24 августа 1905 г.: «Патриотизмом, и именно географическим, я страдаю. Это моя болезнь, с разными другими причудами вкуса...» (Чулков, стр. 329). По верному замечанию Луначарского, «не сразу разобрался он в явлениях японской войны» (А. В. Луначарский. Собр. соч. в восьми томах, т. 1. М., 1963, стр. 438). В примечаниях к *Si* сам Брюсов заявлял в конце 1905 г.: «... должен сознаться, что, подобно многим, ошибался, ожидая конечного торжества России в начинавшейся войне».

20

Я в мире знал блаженство,
Как раб и как король,—
Сознание совершенства
И унижений боль,

Холодный дым ущелий,
Свободу высоты,
И крик, и вошь веселий,
И тишину мечты...

⟨1904⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.9, л. 16. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

21

Среди укоров и приветствий,
Простертых рук и злобных слов —
Ты мне нужней, чем прежде, в детстве,
Звезда волхвов!

⟨8 июня 1905 г.⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.10, л. 54. Написано на обороте календарного листка, по которому и датируется.

22

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Я во дворе первосвященника,
Меж стражей, у ночных огней,
Беснечным голосом изменника
Отрекся от Любви моей.

Но в обличенье гордой совести,
Едва слова я молвил вслух,
Вдруг так же, как в заветной повести,
Вторично прокричал петух.

И вот стою я у преддверия,
В тиши рассветной темноты,
И понимаю в полной мере я,
О Петр! о чем заплакал ты!

Но мне пример — твое раскаянье!
Ты стал наместником Христа,
И ныне там, на бреге чаянья,
Хранишь эдемские врата.

29 сент<ября 1>905

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 10.10, л. 30. Черновой автограф озаглавлен «Раскаяние» (там же, л. 29).

Согласно евангельской легенде (Матф. XXVI, 34, 35, 69—75), Иисус сказал апостолу Петру: «В эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». Той же ночью, во дворе первосвященника Каиафы, куда был уведен Христос, Петр отрекся от него, но затем, раскаявшись, «плакал горько». По более поздней легенде, Петр стал первым епископом Рима, наместником бога на земле, а после смерти — хранителем ключей от врат рая.

23

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ

I. ПОСВЯЩЕНИЕ

Аз, недостойный, — аз, инок смиренный,
Подвиг сей, господи ради, принял,
Да поклонюсь чистоте неистленной,
Чреву, из коего свет просиял.
Ныне свершу я весь путь многотрудный,
Ваш, Мелькиор, Валтассар и Гаспар,
В град Иудейский, в затвор малолюдный,
Свой принося безыскусственный дар.
Сё — он: не злато, не ладан, не смирна,
Но умиленный и сладкий тропарь:
Той, что воссела в юдоли эфирной,
Деве, о ней же ликует вся тварь.
Стих мой да будет блистающ, как злато,
Стих мой да будет густой, как елей,
Стих мой, как ладан, будь полн аромата —
Сладость и петь и помыслить о ней!

<Февраль 1906 г.>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.11, л. 14. На полях помета: «Февраль 1906». После «Посвящения» следует строка: «Часть первая. Странствие Мелькиора». Замысел поэмы не был осуществлен.

Волхвы—по евангельскому преданию, восточные мудрецы (маги), которые пришли в Вифлеем, чтобы поклониться только что родившемуся Иисусу Христу, и принесли ему богатые дары — золото, ладан и смирну; дорогу им указывала путеводная звезда (Матф. II, 1—11). В Средние века возник цикл легенд о волхвах и их странствиях: мудрецы превратились в царей и получили имена — Мелькиор, Валтассар и Гаспар; вернувшись, они приняли крещение и стали проповедниками христианства. Предание о волхвах вошло в «Золотую легенду» («*Legenda aurea*») — сборник житий святых, составленный в XIII в. по книжным источникам и народным преданиям Иаковом из Вираджо.

Тропарь — церковное песнопение, в котором воспевается событие священной истории или святой, день которого празднуется.

24

МАГ

Я принял свой неумолимый жребий,
От всех соблазнов, от последних благ,
Я за звездой, меня ведущей в небе,
Пошел покорно, как восточный маг.

И в третий месяц странствия в пустыне,
Когда я спал, усталый, под шатром,
Предстал мне Дьявол, древний дух гордыни,
И искал ласковым коварным языком.

Он говорил: «Как ты призванью верен,
Ты, бросивший величие дворца!
Твой путь в песках обдуман и размерен,
И ты гордишься ликом мудреца!

Но мудрость только — в беспокойной думе,
Но вера только — в яростной борьбе,
Иди за мной в шумящий вихрь безумий,
Иди за мной, чтоб плакать о себе.

Ты здесь свершаешь подвиг бесполезный,
Чтоб принести свой дар Царю царей,—
Но лучший дар лежит во глуби бездны:
Сойди туда, его обрести умей!

Что золото, что ладан или смирна
Пред красотой раскаянной души!—
Ее не знать тому, кто ищет мирно,
Ее не встретить в ласковой тиши».

И встав во тьме, я вопрошал пылливо
Себя, кто прав,— и разрешить не мог.
Смеялся подле Дьявол горделиво,
Был сумрак ночи двойственен и строг.

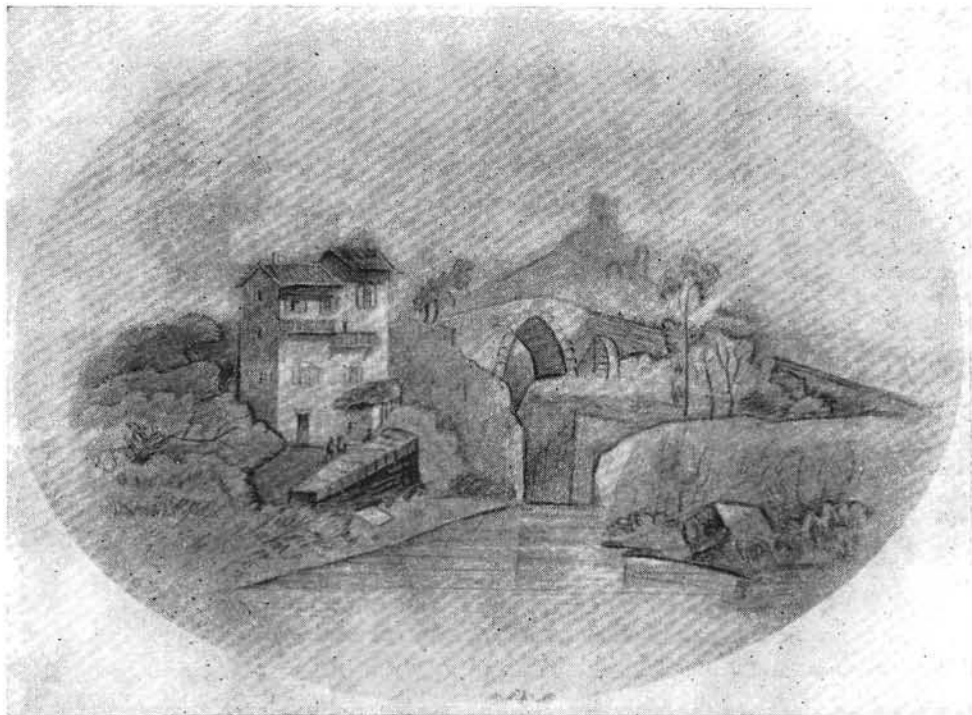
Я вышел из шатра; в померкшем небе
Одна звезда кропила небосклон.
И вдруг я понял, что люблю свой жребий,
Что спор — не нужен, что мой путь — решен!

1 февр<аля 1>906 г.

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.11, л. 13. На полях помета: «плохо».

По названию и сюжету связано с замыслом поэмы «Поклонение волхвов» (см. выше № 23).

Царь царей — одно из библейских наименований Христа.

〈З А М О К〉

Рисунок Брюсова. Акварель, карандаш
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

25

Слово, пьянящее дерзостным хмелем,
Пьяное слово: Свобода!
Снова ли путь к упоительным целям
Мы бесполезно телами устелем?

〈1907〉

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.15, л. 48, без даты. Машинописная копия (там же, л. 49)
с датой: «1907».

Стихотворение отражает политические настроения Брюсова после событий 1905 г.

26

Да! не бывает этого в наш век.
Забыли мы, что значат волхвованья,
На будущее смотрит человек
С тупой и гордой слепотой незнания.

Мы голос бога, весть грядущих бед
В зловещих снах разгадывать отвыкли,
Нас не страшит в кругу других планет
Багряный Марс на дальнем эпицикле.

И на треножник освященный сев,
Пьяна предчувствием и хмелем серным,
Не предрекает нам одна из дев
Войны нависшей и победы верной.

〈1910-е годы〉

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 10.15, л. 14 и 15. Стихотворение не закончено, наброски следующих стрóf не поддаются прочтению. Возможно, что продолжением его является четверостишие, сохранившееся в папке «Стихотворения 1914 года» (раскладка И. М. Брюсовой; ГБЛ, ф. 386.11.5, л. 73):

Наследники атлантов, мы храним
Лишь память о божественных прозрениях,
Нам тайну застит перелетный дым,
Мы путаемся в бесконечных звеньях...

В папке «Стихи 1910-х гг.» (раскладка И. М. Брюсовой; ГБЛ, ф. 386.11.8, л. 52) находится незавершенный автограф другой редакции этого стихотворения («Погасли чары магии в наш век...») с пометой И. М. Брюсовой: «Из папки à faire» *.

Эпицикл — по геоцентрической системе мира — окружность, по которой движется планета вокруг некоего центра, в свою очередь вращающегося вокруг Земли. Положение Марса на самой близкой к Земле точке эпицикла древние астрологи считали предвестием войн и стихийных бедствий.

Полна предчувствием и хмелем серным — согласно легенде, знаменитая Кумская сибилла перед прорицанием сидела на треножнике над озером Аверно, вдыхая его ядовитые сернистые испарения.

27

Он шел в полях и дни и ночи,
Спал в ямах, отдыхал во рвах,
Он, в силу тайных полномочий,
Взывал к народу: «Стыд и страх!

Стыд всем, забывшим правду бога,
Страх всем, влюбившим в жизни грех.
Бог медлит, но карает строго
Всех суемудрых, гордых всех!»

Он воинам гласил: «Вам горе!
Вы взяли меч, вас меч пожрет!»
И морякам: «Вам сгибнуть в море,
За небрежение к мощи вод!»

Торговцам: «Вы взалкали злата,
Средь злата вас изложет глад!»
Царям: «Болезнь и ужас — плата
Вам за года земных услад!»

И пастухам: «Блюдете стадо,
Но жизни вы не соблюдли!»
И земледелам: «Много ль надо
Для ям могильных вам земли?»

Он проповедал в темных пущах,
Вопил на рынках в суете,
Гласил о временах грядущих
И на заре и в темноте.

Он под дождем стоял; при громе
Вопил; под градом из камней
Пророчил; позабыв о доме,
Шел в лес, в поля и в глушь степей.

И, в ночь, на диком перекрестке
Встал некий Ангел перед ним.
Его глаза — огонь на воске —
Горели светом голубым.

* «Из папки для работы» (франц.).

Он произнес: «Не ты ль был гордым?
Не ты ль был суемудр в речах?
Пребуди в сей миг последний твердым,
Прийми отмщенье: Стыд и страх!»

И Ангел пламенной десницей
Взмахнул. Пал на землю пророк.
И вспыхнул голубой зарницей
Над новым мертвецом восток.

1912, февр<аль>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.10.14, л. 16а и 16б. На полях пометы: рукой Брюсова — «Это скорее шутка»; И. М. Брюсовой — «Не вошло в сб<орник>. Из папки «Зеркало теней». Стих. для 2-го издания».

Смысл авторской пометы не совсем понятен.

28

При лучах восхода как сверкают стёкла,
Как трава сверкает, что вечер поблёкла!
Небо снова чисто, как под взором Евы,—
Стих невольно входит в старые напевы,
Щебетом им вторят маленькие птицы...
Здравствуй, день, встающий над тоской столицы!
С лаской улыбаюсь сумрачным прохожим,
Сумрачным,— быть может, на меня похожим!

4/5 мая 1913

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.4, л. 32.

29

МОЛИТВА

Ликуя, журавли летят на север,
Сквозит голубишной весенней твердь...
Но серо поле, где посеян клевер,
И шепчет в роще с голой жердью жердь.

А что в душе моей: зима иль смерть?
Над ней гудит одно лишь слово: «never!» *
И эхо вторит звону дум: «for ever...» **
О господи! свой суд умиласердь!

Верни меня цветов и трав к богатству!
Мечтам опять воскреснуть не препятствуй!
Дышать дозволю еще одной весной!

«Навеки!»— ветер стонет. Как невольник,
Смотрю, где родина. А надо мной
Свободный птицы двоят треугольник.

23 февраля 1916

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.7, л. 78. На полях помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Неудачное». К «Снам человечества».

* «никогда!» (англ.).

** «навсегда...» (англ.).

НАСТУПЛЕНИЕ ГРОЗЫ

Силы бесьи по поднёбесью
 Мечут стрелы, множат выстрелы;
 Звучны клики, тучны отклики:
 Вои ветра, вопли с севера.
 Длинных линий синей молнии
 Чуть дожденсья, — чаешь дождика,
 Но без ливня плещет полымя, —
 Взвизги злые — громы грозные...

Чу! роятся, в черни роятся.
 Ух! рыгают, вдруг запрыгают.
 Лес вихрами бьет под вихрями,
 Нива сбилась, дико вздыбилась.
 В полумраке, в хмуром сумраке
 Видишь в блеске, в алом отблеске,
 Под лучами иль под тучами,
 Силы бесьи по поднёбесью.

1916

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.7, л. 71. На полях помета И. М. Брюсовой: «К «Опытам».

Холод, зима, гололедица...
 На улицах темь и тишь...
 Хвостом Большая Медведица
 Зацепилась за гребень крыш.

<1910-е годы>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.8, л. 71. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

Осенний лес дрожит в немой печали,
 Едва рябит холодная вода,
 Прозрачно-сини, но пустыньны дали;
 И вздрагивает сердце вдруг, когда
 Взрезают ворон блеском тусклой стали
 Просторы, чтоб исчезнуть без следа.

Так и любовь мелькнула без следа.
 В душе нет даже режущей печали...
 Сознание ясно; мысли тверже стали,
 Жизнь — словно чистая, глубокая вода,
 Но тягостно идти вперед, когда
 Зеленых <?> сеней не пророчат дали.

<1910-е годы>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.13, л. 17, 18. Незавершено. На полях помета И. М. Брюсовой: «Наброски секстины. Из папки «A l'aigle». 1917?»

33

РЕВОЛЮЦИЯ

Отчаяние, взнузданное злобой,—
 Вот символ революции. Мечта,
 Одета в пламя, грозно кличет: «Пробуй!»
 Встает Надежда, кровью залита,
 Препрады сломаны. С бичом свистящим
 Блуждает по дворцам хор эвменид;
 И эшафот, над зыбким настоящим,
 Как в бурю остров, недвижим стоит.
 Что нынче — все равно, венец ли, гроб ли:
 Там, впереди,— в святых лучах эдем!
 Все дышат лишь грядущим; но на вопли
 Бессчетных жертв — день беспощадно нем!
 И Черный Всадник, страшный вестник казней,
 Трубит в свой рог, под общий буйный клик.
 Все смешано: закон, любовь, приязни,
 Чтоб новый мир из хаоса возник!

К нам не таким пришло освобожденье!
 Проржавевших цепей упали звенья,
 Чуть тронуты; болт рухнул сам собой,
 И дверь тюрьмы раскрылась. Голубой
 День просиял над вихрем красных флагов,
 И вешних вод запели вдоль оврагов
 Приветы, слиты с песнями свобод!
 Да алых грез не ведает народ!
 Да Черный Всадник в толпах не проскачет!
 Погибшим — мир и слава; их оплачет
 Россия вся, и, с грудью грудь сплотив,
 О, пусть сольются все в один порыв:
 Забыв о прошлом, о вражде и мести,
 На благо родины работать вместе!

1917. 24 марта

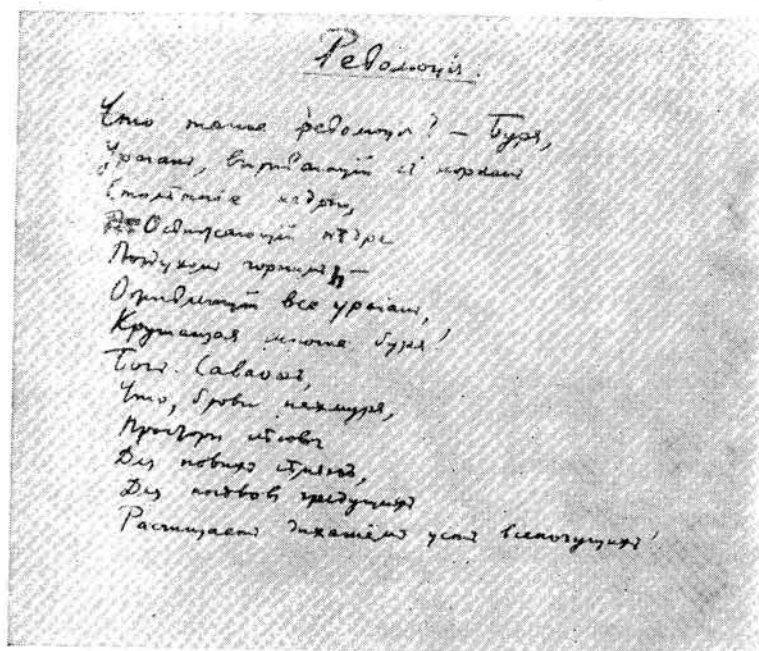
Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.1, л. 6. Машинопись с авторской правкой (без разночтений) — там же, л. 7.

Вторая половина стихотворения (строки 17—30) опубликована: «Енисей», 1973, № 4.

34

РЕВОЛЮЦИЯ

Что такое революция? — Буря,
 Ураган, вырывающий с корнем
 Столетние кедры,
 Освежающий недра
 Воздухом горным,—
 Оживляющий все ураган,
 Крушащая многое буря!
 Бог. Саваоф,
 Что, брови нахмура,
 Просторы лесов
 Для новых семян,
 Для посевов грядущих
 Расчищает дыханием уст всемогущих!

СТИХОТВОРЕНИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ»

Черновой автограф, <1917>. Фрагмент

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Революция — буря. Она
 Над океаном
 Летит ураганом,
 Разметая <?> воды до дна,
 И горе
 Судам,
 Застигнутым в море!
 Там
 Огромный дреднот и ничтожная шлюпка
 Одинаково хрупки,
 Там
 Для тысяч раскрыты могилы,
 Там никто
 Не предвидит судьбы: все — слепые!
 Что
 Наши ничтожные силы
 Пред волей стихии!
 Революция — буря <...>
 <1917>

Автограф. ГБЛ, ф. 386, 12.1, л. 9. На полях пометы И. М. Брюсовой: «Из папки «Стихи есс. очередные»; «1917?». Стихотворение не завершено,

Над призраками и действительностью,
 Над всеми тайными соблазнами,
 Над обольщением ласк и неги,
 Поэт! на всех путях твоих,

Живет с мечтой, и я лелею их
В тревогах жизни, бледной и докучной;
И мило мне их нынче воскресить
Вплетая в ткань мою чужую нить.

Лишь повторю ряд этих слов — мгновенно
Прошедшее пред памятью встает.
Всегда бывшее сердцу драгоценно,
И стих любимый связан неизменно
С былыми днями счастья и забот.

⟨1918⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.6, л. 4. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.
Последние пять строк были напечатаны ошибочно как отдельное стихотворение
(«День поэзии 1973», стр. 258; «Енисей», 1973, № 4, стр. 50). Вариациями на ту же
тему является «Знакомый стих любимого поэта» (см.: *Собр. соч.*, т. 3, стр. 397).
Брюсов намечал и другие варианты начала (см. автограф на стр. 55).

37

Великое вблизи неуловимо,
Лишь издали торжественно оно,
Мы все проходим пред великим мимо
И видим лишь случайное звено.

⟨1919⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.4, л. 12 об. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

38

В год третий после Октября,
В разгаре яростного лета,
Когда вечерняя заря
Жгла предвещение рассвета,
В лесу безмолвном я бродил,
Где тени зыбко расплывались,
И тишь полночную будил
Веселым окликом: Адалис!

⟨1920⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386. 12.8, л. 4 об.

Об А. Е. Адалис см. наст. том, стр. 825.

39

Наперекор годам, чьи быстры фазы,
Холодным башням мной прочтенных книг,
Сбираю жадно, как скупец алмазы,
Я в этой долгой жизни каждый миг.

⟨1920⟩

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.8, л. 4 об. Датируется по расположенному на том же
листе стихотворению «В год третий после Октября...»

40

Сквозь эту бездонность глаз
Так просто мне увидеть бы —
Татьяну, в предутренний час,
На балконе старой усадьбы;

Дальше — немая камей —
В краснеющей дымно воде,
Расплываясь, тая, бледнее,
Образ Шарлотты Корде;

За ней, нагая, как Ева,
В городе, что строго молчит,
Проезжает на коне Генофева,
Волосами прикрыв свой стыд;

И, напротив, являсь многолюдью,
Что шумит, как буйный поток,
Над своей оскорбленной грудью
Лукреция взносит клинок;

А где-то, в дали небосклона
На корабль устремляя взор,
Меч в руке, восходит Дидона
На свадебно-погребальный костер.

Их всех, застенчиво-смелых,
В веках пленяющих нас,
Вижу, как сон, в потемнелых
Неподвижных омутх глаз.

17 апреля 1921

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.9, л. 20. Судя по пропуску в рукописи, перед последней строфой предполагалась еще одна.

В краснеющей дымно воде... — Марат был убит Шарлоттой Корде в ванне.

Генофева (Годива) — героиня средневековой английской легенды; согласилась под-
вергнуться унизительному испытанию, чтобы избавить народ от непосильных налогов,
назначенных ее мужем, жестоким графом Ковентри. Эта легенда послужила сюжетом
баллады А. Теннисона «Годива».

Лукреция — римская матрона. После насилия, совершенного над нею царским сы-
ном Секстом Тарквинием, закололась на глазах мужа и его друзей, взяв с них клятву,
что они отомстят за ее бесчестие. Рассказ римского историка Тита Ливия об этом со-
бытии, последствием которого было падение царской власти в Риме, лег в основу поэмы
Шекспира «Лукреция».

Меч в руке, восходит Дидона на свадебно-погребальный костер... — В четвертой кни-
ге «Энеиды» Вергилия рассказывается, что оставленная Энеем Дидона бросилась на
меч, взойдя на костер, куда по ее просьбе было поставлено их брачное ложе.

41

Как камушки мальчик рикошетом в воду,
В воспоминаньях бросаю годы и годы;
Не раз, ах, не два, под ветер весенний
Жизнь обновлял предо мной прибой поколений.

Дети тех матерей, чьи девичьи взгляды
Меня когда-то кропили, как в небе Плеяды,
Отцов, с кем враждой иль дружеством был я спаян,—
Уже как искатели встали вековых тайн.

<1921>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.9, л. 23. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

42

Вся *mis-en-scène*, вся пестрядь мира —
 Вихрь солнц, вопль моря, взмет закатов
 И скорбная Геката
 Над вымершей Пальмирой —
 Не радуг призрак ли в калейдоскопе?
 Там, свет в руках, в алмазной копи
 Хор гномов пляшет;
 Но трубку вскрой — пяток стекляшек.

〈1922〉

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 71. На полях помета И. М. Брюсовой: «Из папки 1922 г., после «Далей».

Геката — в греческой мифологии богиня Луны.

Пальмира — город в оазисе Сирийской пустыни, центр одноименного государства; славился богатством и великолепием своей архитектуры. В 273 г. был разрушен римлянами.

43

ВЗВОДЕНЬ ЗВОНОВ

Памяти Велимира Хлебникова

Bells, bells, bells...

Е. Poe

Взводень звонов, кузов звуков, —
 Звать, звучать, звенеть, звонить!
 Кто он, звоном зааукав,
 Хочет ночью заморочить,
 В зелень звуков заманить?

Звонкие, звякайте!
 Звучные, звучаите!
 Звонные — звонами,
 Зовные — зовами,
 Звычайны и новы,
 Стройте звоновы!
 Звукáстней, звончáтней, звенéльной,
 Зыкнув на звоннице,
 Звонствуйте коннице,
 Звукствуйте вольнице,
 Звенькайте в тени селеньям свирельней!
 Динь-динь, динь-динь,
 Кинь-кинь
 Звон синь!
 Бим-бом, бим-бом,
 Ал звон,
 На амвон!
 Динь-динь, бим-бом,
 Звон-перезвон,
 Озвенелый трезвон!

Звукачи-ковачи — звук на звук!
 Звонари-косари — звон на звон!
 Звонщики-загонщики,
 Звонильщики-пильщики,
 Звонители-воители,

Звукатели-искатели,
 Звенетели-свидетели,
 Звонатаи-оратаи,
 Звончии-гончии,
 Зовчии-ловчии.
 Звонарихи, звонарки,
 Звонарящие товарки!
 Ватага звоняг,
 Звукцов и звонцов,
 Звателей с зовных концов!
 На горизонте
 Трезвоньте!
 В звукнях-кузнях — позвукарствуйте,
 Во звонцах-дворцах — позвонарствуйте,
 На звенарне — позвончажничайте,
 Озвончите час!
 В звонобойню нас!

Ты, звукошко, ухай-ка!
 Ты, звончишко, елухай-ка!
 Ты, многозвоннейший,
 Ты, наизвоннейший,
 В купол гулко рухни,
 Звякни, звукни!
 Звукочки, звончики,
 Звонушки, зовушки,
 Звукеньки, зывики,
 Звень-звенчужки, звон-звончужки,
 К звонёнку звонёнок, звонята
 К звонику звоник звончатый,
 Гомон о многом,
 Незвучь и звоньковь,
 Звон-перезвон!
 Говори, перезванивай,
 Малиновый, меланивый,
 Передразнивай, перезвукивай,
 Зазванивай, зааукивай,
 Вызвони, вызволи,
 Зывы на зыв вали,
 Зовней, звучней,
 Звонней, звончей,
 Динь-динь, бим-бом,
 Ночью и днем!
 День-день, цельный день,
 Звончъ, и звучъ, и звень,
 Гул звоновой,
 Озвоненный вой!

Звонам позволено,
 Звуками куплено
 Званных вызванивать,
 Всяких вызвякивать.
 В праздник престольный
 Зык колокольный
 Звенствует зовно-узывчиво;
 Заревом ржавым объята,

Ночь в недозвоенье пабата
 Звукствует с звукорог сбивчиво;
 Чу! зи-зи-зи, зи-зи-зон,
 Звенько звонит телефон;
 Взвениясь настойчиво в dolce
 Far niente, звенит колокольчик;
 По полям позвоночки коров;
 На горах зан-зан козьих звонков;
 Тройки степной гонцы —
 Бубенцы;
 Раззвенеты кастаньеты,
 Раззвениястней пляс запястий,
 Но где яростный митинг,
 Председательский ди-динк!
 Колокол, локай!
 Подзвенельник, звенешничай;
 Общий в звони, в огне ж — ничей!
 Колокольцы — богомольцам!
 Птенчикам — бубенчики!
 За станок
 Под гудок и под звонок!

Отзвуки, надзвуки, подзвуки, призвуки,
 Сбзвоны, призвоны, вызвоны, дбзвоны
 (Созваны, призваны, вызваны, дозваны!)
 Перезвякивание, перебрякивание,
 Перезвонаривание, переговаривание,
 Звукоряды и звукописи!
 Звукорог, с звукариком совокупись!
 Звукарей звоновых ради,
 Звенигород выгороди!
 Эй, внемли!
 Зазвони, извини, измени,
 Тень вдали
 Семизвездьями осемени,
 Осені
 Звень земли!
 Там, в звукоданности, —
 Склон звукозванности;
 Озвукование
 Слов без названия,
 Звенитизна
 В высь взнесена!

Я — в звуках, я — в звонах, — в звененьи,
 Я — в осно-стозвонном смятеньи,
 Озвбнен, зазвбнен, узвбнен,
 Раздвоен, как воин усвоен,
 Я — свойник, я — звонник, я — звон,
 Я — в звенья звененья, я — в сон!

28 августа 1922 г.

Сохранились две редакции этого стихотворения. Первая (законченная) имеет два автографа (черновой и белой); оба датированы 28 августа 1922 г. (ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 45—53). Вторая редакция не завершена; сохранилось два ее автографа (черновой и белой), датированные 31 октября 1922 г. (там же, л. 54—61).

Печатается по беловому автографу первой редакции. Первоначальное заглавие — «Кузов звуков» — зачеркнуто. Эпиграф — первая строка стихотворения Э. По «Bells» («Колокола»); в переводе Брюсова озаглавлено «Звон» (Эдгар По. Стихи. М.—Л., ГИЗ, 1924). Во второй редакции намечался также второй эпиграф: «О рассмейтесь, смехачи» — из стихотворения В. Хлебникова «Заклятие смехом», в подражание которому и написан «Взводень звонов».

Брюсов относился к экспериментальной поэзии Хлебникова с большим интересом. В 1913 г. он писал: «Очень распространенный прием наших футуристов — образовывать новые глаголы ото всех существительных <...> не всегда приводит к удачным «слововоношествам», но, кажется, в нем кроется возможность выражений более сжатых и потому более сильных <...> Наконец, можно оправдать употребление новообразованных слов даже в тех случаях, когда нетрудно найти другие, соответствующие, в общепотребительном языке: такие новообразования заставляют читателя остановиться на данном выражении, живее воспринять его, тогда как иначе оно проскользнуло бы незаметно; таковы, напр., смелые эпитеты (В. Хлебникова) «смехучеустые лешие», «веще-старикатая даль», «взоровитая чаша» и др.» («Новые течения в русской поэзии». — РМ, 1913, № 3, стр. 131—132).

Черновой автограф второй редакции сопровождается следующим примечанием: «Большое число словообразований не нуждается в пояснении; некоторые, однако, принадлежащие к числу провинциализмов, могут быть иным читателям незнакомы, в том числе (отысканы по словарю Даля): привычный — обычный, обыкновенный; звеника — растение, полана; звонуха — птица из разряда чаек; звонариха — жена звоняря, а звониха — женщина, звонящая на колокольне; звонарь — исправлять должность звоняря; звонило — сторожевая доска; звонница — колокольня; звукорга — аналогично каторга; звонять — звонить в несколько колоколов».

44

Античный мрамор, серебро Челлини,
Обломок меди из дворца Помпей,
Узор спиральный на пещерной глине:
Ключи раздумий — подходи и пей!

<1922>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 67. На полях помета И. М. Брюсовой: «1922 г., после «Далей».

Стихотворение не окончено. Была написана еще одна строка:

Так светят в мире звездами музеи.

Бенвенуто Челлини (1500—1571) — итальянский скульптор и ювелир, изделия которого славились изяществом отделки.

45

Повеял вихрь и разметал Россию.
Где вы, друзья, чье имя легион?
Одни пошли изображать Осию,
Других киты сглотнули, как Ион.

<1922>

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 75. Датируется по раскладке И. М. Брюсовой.

Осия — один из библейских «малых пророков». Жил в Самарии до разрушения ее ассирийским войском (722 г. до н. э.). Обличал пороки современников и предсказывал, что их нечестивость приведет к падению Израиля.

Иона — библейский пророк. По преданию, был выброшен в море матросами гибнущего корабля и проглочен китом.

46

Когда тебе извне назначен
Узор мечты, узор стихов,
Поэт, припомни — многозначен
Непобедимый отзвук слов.

Ты, рифма, нитью Ариадны
Сквозь лабиринт ведешь к лучам.
Так нежащи и так усладны
Согласья, данные словам.

Созвучья эти не случайны —
Пусть связь двух звуков далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка.

От слов к словам, от мысли к мысли
Созвучье верных рифм ведет;
И строфы, как гирлянды, свисли
Над глубиной прозрачных вод.

В великой правде отражений
Удвоены, углублены —
Все истины земных стремлений,
Все наши праведные сны.

Поэт, живи в волнах созвучий,
Лови их радость на лету,
Чтоб в песнях звонких стих певучий
Замкнул крылатую мечту.

Ограждена двоякой гранью,
Бессмертью возвращенный прах,
Она смущенному сознанию
Сияет радугой в веках!

1922

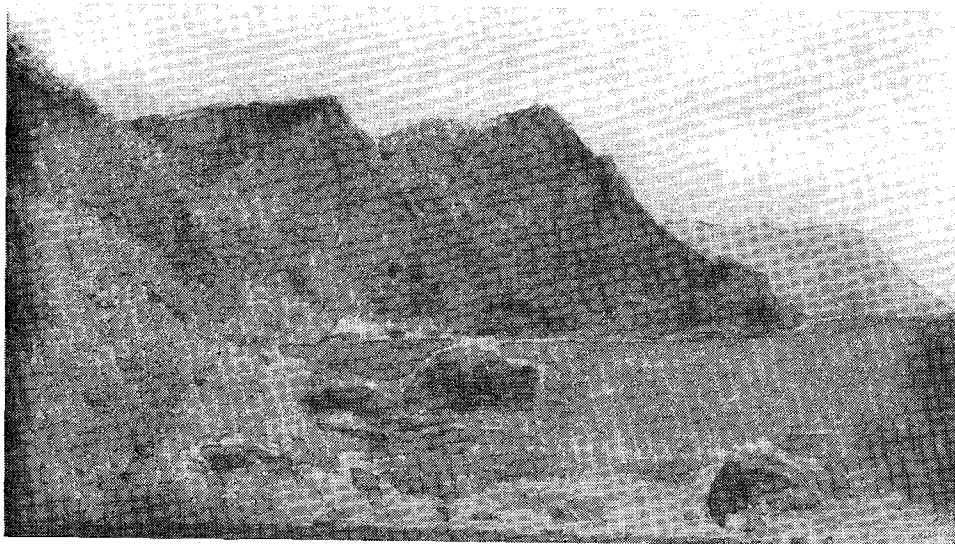
Автограф. ГБЛ, ф. 386.11.5, л. 40 об.—40. И. М. Брюсова при раскладке ошибочно отнесла эту рукопись к 1914 г. Строфы 3—7 (в др. редакции; ГБЛ, ф. 386.12.10, л. 2—2 об.) печатались до сих пор как самостоятельное произведение: *Неизд. стихи 1928*, стр. 48 (дата — 1917 г.); В. Брюсов. Стихи и поэмы. Л., 1961, стр. 557 (дата — 1922 г.).

47

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Опять, как всегда и везде, —
В Москве, как в Судане,
В дни радио, как на грани преданий, —
В вечерюющей сини
Звезда посылает звезде
Пучки светящихся линий...

Звездное небо — и Кант!
Законы миров — и Лаплас!
На землю глядит великан
Аргусом в тысячу глаз.

«КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ»

Рисунок Брюсова. Акварель, карандаш
Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

А Земля,
Дремля,
Любовников близя устами
И ласками,
Отвечает мечтами
И сказками...

Нет!
Не пастухи ль Халдей следили ход планет?
Не тысячи ль умов (из всех земных историй)
Жгли глазом глубь небес с высот обсерваторий?
Не никли ль мудрые над тайной далее тех?
Вслед за Коперником, небесных толп стратег
Законов не дал ли мирам (спор с божествами!)?
— «Гордитесь, смертные, он жил меж вами!»

Все приходило в равновесье. Было
Все ясно... Но мечта дробила
Ту ясность. Ум кричал: «Я не хочу
Безгранности, где и лучу
Нет окончанья! Если нет предела,
То я хочу быть тоже выше тела,
А если всё — тела, так я
Не верю в бесконечность бытия!»

Да, он не верил, верить не хотел,
Привыкший знать пределы тел.
И снова неба круг овальный —
Арена распрей, цирк борьбы.
Об «актуальной» и «виртуальной»
Спор длят конечные рабы.

На тайну кинуть бы аркан!
И слышен свист бессильных ласс...
А тот же смотрит великан
На Землю: Аргус с тысячами глаз.

Столетье длится эта спибка;
Бойцов разъединяет смерть.
«Бежать? куда? где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?»
Принципы относительности ставят
Пределы бесконечности. На ум
Та грань без граней тоже давит.
«Нет врачества!» — он стонет, как Наум.

Мы в бесконечности? иль мы в конечности?
Иль рано разуму познать?
И мысль нам надо пеленать,
А не водить в уборе подвенечном?
Иль нам познание вовсе не дано,
И всё — игра «воззрений» или «категорий»,
И все равно
Сверлим ли небо мы с высот обсерваторий!

А все, как повелось давно...
Везде,
В Москве, как и в Лагоре,
Звезда влечет к звезде
В вечерней сини
Пучки лучистых линий.
Земля,
Дремля,
Любовников роднит устами
И ласками,
Ей тайны разрешать — мечтами
И сказками.

1924

Автограф. ГБЛ, ф. 386.12.12, л. 17, 18 об. На рукописи помета И. М. Брюсовой: «Из папки «Меа». Впервые частично опубликовано в «Неделе», 1967, № 6, 4 февраля.

Аргус — в греческой мифологии многоглазый великан, неусыпно охранявший Ио, возлюбленную Зевса.

Не пастухи ль Халдеи следили ход планет... — Халдеи, обитавшие в долине Тигра и Евфрата, считались основоположниками астрономии. Образ «халдейского пастуха», впервые начертавшего «пути своих планет», Брюсов ввел в цикл «Любимцы веков» (TV).

Гордитесь, смертные, он жил меж вами... — Слова, завершающие надгробную надпись на могиле И. Ньютона.

Безгранности, где и лучу нет окончанья... — По учению Ньютона, мировое пространство беспредельно и световой луч в нем движется по идеальной прямой.

Об «актуальной» и «виртуальной» спор... — В механике вероятная, но не осуществленная возможность называется «виртуальной», а осуществленная — «актуальной».

Принципы относительности ставят пределы бесконечности... — В соответствии с общей теорией относительности Эйнштейна, Вселенная имеет конечный размер, а луч света, двигаясь в ней, искривляется под действием полей тяготения.

Нет врачества... — Цитата из книги библейского пророка Наума (III, 19) о гибели Ниневии: «Нет врачества для раны твоей, болезненна язва твоя».